

A black and white portrait of Demi Мур. She is looking directly at the camera with a slight, enigmatic smile. Her hands are raised, with her fingers gently touching her cheeks and chin, framing her face. Her hair is dark and pulled back, with some strands falling over her forehead. She is wearing a dark, possibly black, top. The background is a plain, light gray.

ДЕМИ
МУР

Inside
out

моя
неидеальная
история

18+

Деми Мур
Inside out: моя
неидеальная история
Серия «Неидеальная:
биографии известных женщин»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61854628

*Наизнанку: моя настоящая история. Мемуары Деми Мур ; [перевод с
английского А. Глиценко].: Эксмо; Москва; 2020*

ISBN 978-5-04-112322-2

Аннотация

Деми Мур всегда была в центре внимания прессы: от культовых ролей в голливудских фильмах («Привидение», «Непристойное предложение», «Стриптиз», «Ангелы Чарли-2») до громких романов и разводов с Брюсом Уиллисом и Эштоном Кутчером. Но настоящую историю актрисы, пережившую изнасилование в 15 лет, болезненные отношения с родителями и наркотическую зависимость, знали немногие. В своей автобиографии Деми Мур действительно выворачивает наизнанку душу перед читателями, не приукрашая и не скрывая не одной подробности в своей неровной судьбе.

В этой книге есть и душераздирающие признания, и пикантные подробности, но главное – здесь есть неподдельная откровенность. Деми Мур безжалостно разбирает собственные ошибки, великодушно прощает их другим и от главы к главе учится принимать и любить себя.

Вдохновляющая история, признанная лучшей книгой года по версии изданий The New Yorker, The Guardian, The Sunday Times и The Daily Mail.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Вступление	8
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Деми Мур
Наизнанку: моя
настоящая история.
Мемуары Деми Мур

*Эта книга посвящается моей матери, моим
дочерям и их дочерям*

INSIDE OUT: A MEMOIR
DEMI MOORE

Copyright © 2019 by Demi Moore and Pajama Party
Productions, Inc.

Фото на обложке: © Matthew Rolston / Corbis /
GettyImages.ru

Вдохновляющая история, признанная лучшей книгой года по версии изданий The New Yorker, The Guardian, The Sunday Times и The Daily Mail.

Настоящее произведение не является художественным. Все события, описанные в этой книге, правдивы и были отражены в меру сил и возможностей автора. В целях конфиденциальности и/или анонимности были изменены име-

на личностей и факты, касающиеся некоторых вовлеченных лиц.

© Глущенко А., перевод с английского, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Все наше бытие¹

Все наше бытие – дом у большой дороги.

Заглядывают все, кому не лень.

То радость, то тоска, то злость приносят ноги,

То мимолетных осознаний тень.

Приветлив будь ко всем у своего порога.

Пусть даже в дом придет толпа скорбей,

Что, как разбойники, забывшие про бога,

Насильно тащат скарб твой из дверей.

Все ж окажи всем почести. Кто знает,

Зачем идут они, чего хотят?

Быть может, они место расчищают

Тебе для неизведанных усад.

Пускай приходят стыд и вспышки гнева.

Всех приглашай радушно погостить.

Признателен им будь – они посланцы неба.

Пришли тебе наставниками быть.

¹ Перевод Игоря Бугаева.

Джалал ад-Дин Мухаммад Руми

Вступление

Каждый раз я прокручиваю один и тот же вопрос в голове:
«Как я дошла до такого?»

До пустого дома, который пришлось достраивать, потому что детей у меня было больше, чем комнат, дома, в котором раньше я была женой. Сейчас я совершенно одна в этом доме. Мне было около пятидесяти, когда муж, которого я считала любовью всей своей жизни, изменил мне и не хотел работать над нашими отношениями. Мои дочери долгое время не общались со мной – ни поздравления в день рождения, ни открытки на Рождество. Ничего. Их отец, который всегда был для меня другом, на которого я могла положиться, тоже ушел из моей жизни. Карьера, которая начала развиваться с того момента, как я съехала из дома в шестнадцать лет, вдруг застопорилась, а может, закончилась навсегда. Меня покинуло все, что было дорого мне, даже здоровье. Появились невыносимые головные боли, и я быстро стала терять вес. Одним словом, чувствовала себя так же, как и выглядела, – уничтоженной.

Я задумалась: и это жизнь? Потому что если так, то с меня хватит. Понятия не имею, что я вообще здесь делаю.

Я делала все, что казалось необходимым: кормила собак или отвечала на телефонные звонки. В тот день у друга был день рождения, я решила устроить небольшую вечеринку у

себя дома. Я развлекалась, как и остальные, – вдыхала закись азота. И когда мне передали сигарету, я, расположившись поудобнее на диване в гостиной, затянулась синтетической травкой. Друзья прозвали ее «дьяволом», что оправданно.

Дальше все – как в тумане. Я почувствовала, будто покинула тело и наблюдаю за собой со стороны в дымке разных цветов. Может быть, это был мой шанс наконец-то покончить со страданиями и стыдом. Может, теперь испарятся головные боли, перестанет болеть мое разбитое сердце, пропадет гнетущее чувство, что я не состоялась как мать, как жена, как женщина.

И в голове опять вопрос: *«Как я дошла до такого?»* После всех высот, которых я достигла к своему возрасту. После всех детских попыток сбежать из дома, чтобы выжить. После брака, который начинался, как волшебная сказка, с человеком, которому я действительно хотела открыться по-настоящему. После того, как я, наконец, приняла свое тело, перестала мучить его диетами и ограничениями в еде. И самое главное – после того, как я вырастила трех дочерей и сделала все возможное, чтобы стать матерью, которой у меня никогда не было. Неужели все, что я делала, было зря?

Внезапно поток мыслей прекратился, и я вернулась в свое тело. Пока билась в конвульсиях, кто-то попросил вызвать 911, я выкрикнула: «Нет!», зная, что за этим последует: скорая помощь, папарацци, новости на сайтах с заголовком «Демми Мур госпитализирована! Передозировка наркотиками!».

Конечно же, в итоге все именно так и произошло. Но было и кое-что такое, чего я не ожидала. Я спокойно отнеслась к случившемуся и призналась самой себе, что, несмотря на все достижения к пятидесяти годам, я не осознаю до конца, что мне пришлось пережить. Потому что большую часть времени я «отсутствовала», проживала жизнь не в своем теле, боясь быть самой собой. Я была уверена, что не заслужила хорошего, поэтому все время отчаянно пыталась исправить плохое.

Как я дошла до такого? Об этом моя история.

Часть I

Выживание

Глава 1

Это может показаться странным, но я прекрасно помню время, проведенное в больнице Мерседа², когда мне было пять лет, – оно было волшебным. Я лежала на кровати в нежно-розовой ночной рубашке и ждала посетителей: врачей, медсестер и родителей. Мне все очень нравилось. В больнице я лежала уже две недели и решительно хотела стать лучшей пациенткой, которая у них когда-либо была. Здесь, в моей чистой светлой палате, все находилось под полным контролем – настоящие взрослые врачи осуществляли основное лечение (в то время многие восхищались врачами и медсестрами, а находиться под их присмотром казалось настоящей привилегией). Все имело значение, и мне казалось, что если я буду вести себя должным образом, то это принесет ожидаемый результат.

Мне диагностировали нефроз – опасную для жизни болезнь, о которой к тому времени почти ничего не было известно, поскольку ее исследовали только у мужчин, если ис-

² Город в штате Калифорния.

следовали вообще. По сути, это нарушение процесса мочеотделения. Помню, я дико испугалась, когда мои половые органы опухли, а единственной реакцией мамы была паника. Она посадила меня в машину и отвезла в больницу, где я пролежала три месяца.

Моя тетя была учителем начальных классов, и все ее ученики сделали мне открытки с пожеланиями скорейшего выздоровления. Родители вручили мне открытки в тот же день – все из цветного картона, с рисунками. Меня очень тронуло внимание детей, которых я вовсе не знала. Потом я оторвала взгляд от ярких открыток и посмотрела на родителей. Именно тогда я поняла, что они не уверены в моей возможности победить болезнь. Я поднялась, взяла маму за руку и сказала: – Все будет хорошо, мамочка.

Она сама была еще ребенком в свои двадцать три года.

Моя мама, Вирджиния Кинг, забеременела мною, когда была подростком и весила всего сто фунтов³, – тогда она только окончила школу в Розуэлле⁴. Только представьте – еще совсем ребенок! Роды были болезненные, длились девять часов, и в последнюю минуту перед тем, как я появилась на свет, она потеряла сознание. Не самый лучший опыт первой близости между ребенком и матерью.

Часть ее так никогда и не начала жить в реальности, и мыслила она всегда нестандартно. Джинни была из бедной

³ 45 кг.

⁴ Город на юго-западе США, административный центр штата Нью-Мексико.

семьи, но бедность не повлияла на ее образ жизни. Она хотела, чтобы у нас было все самое лучшее. И никогда бы не позволила, чтобы в нашем доме были товары неизвестных марок, начиная с хлопьев и арахисового масла и заканчивая стиральным порошком. Она была щедрой и гостеприимной хозяйкой. За столом всегда было свободное место для нежданного гостя. Она никогда не была сторонницей правил, вела себя добродушно и беззаботно.

Несмотря на то, что я была ребенком, мне не потребовалось много времени, чтобы понять Джинни. Она была другой – совсем не такой, как остальные мамы. Я закрываю глаза и все еще вижу, как она везет нас в школу на машине, держа в одной руке сигарету, а другой делая макияж. Она ни разу не поднимала взгляда к зеркалу, но получалось у нее прекрасно. У Джинни было спортивное тело – она работала спасателем в парке штата «Боттомлесс Лейкс» недалеко от Розуэлла. И еще она была поразительно привлекательной: ярко-синие глаза, бледная кожа и темные волосы. А как дотошно она относилась к своей внешности, независимо от обстоятельств! Например, когда мы ездили к моей бабушке, она каждый раз просила папу останавливаться спустя три четверти пути, чтобы накрутить себе бигуди, потому что только так волосы выглядели бы идеально к тому времени, когда мы прибудем в город. Мама посещала курсы парикмахеров и визажистов, но никогда не работала в этой сфере. Она не была экспертом в области моды, но у нее был врожденный

талант стильно сочетать одежду. Она всегда тянулась к индустрии красоты, поэтому меня и называли в честь какого-то шампуня.

Мои родители были очень гармоничной парой, они знали толк в веселье, и к ним часто приходили другие парочки. Мой отец – Дэнни Гайнес – был на год младше мамы. В его взгляде можно было заметить озорной блеск, который заставил бы вас думать, что он хочет раскрыть вам секрет. У него были красивый рот с идеально белыми зубами и оливкового оттенка кожа. Он выглядел как Тайгер Вудс⁵ из Латинской Америки, любил азартные игры и обладал замечательным чувством юмора. Одним словом, был нескучным – такие парни обычно рассекают на байках, преуспевая во всех делах. Несмотря на брутальность, Дэнни во всем соревновался со своим братом-близнецом, который был намного сильнее и крупнее, к тому же его взяли в морские пехотинцы, а моего отца не взяли из-за косоглазия, которое унаследовала и я. Мне эта особенность казалось важной – благодаря ей я чувствовала, что мы смотрим на мир одинаково.

Отец с братом-близнецом были старшими в семье. Его мать была из Пуэрто-Рико, и в раннем детстве меня часто оставляли у нее. Она умерла, когда мне было два года. Его отец был наполовину ирландцем, наполовину валлийцем. Он работал поваром в Военно-воздушных силах и был заядлым

⁵ Титулованный американский гольфист, «посол гольфа» в Латинской Америке.

алкоголиком. Кажется, после смерти бабушки он переехал к нам. Помню, что мама боялась оставлять меня наедине с ним в ванной комнате. Позже я узнала о сексуальном насилии. Как и я, мой отец вырос в доме, полном секретов.

Окончив школу в Розуэлле на год позже Джинни, Дэнни поехал учиться в колледж в Пенсильванию. Мама почувствовала неладное, особенно ее смутило то, что какая-то девушка была его «соседкой по комнате». Поэтому она начала делать то, что потом продолжала делать, когда сомневалась. Она стала встречаться с другими парнями, чтобы Дэнни ревновал.

Джинни познакомилась с Чарли Хармоном, молодым пожарным, чья семья переехала из Техаса в Нью-Йорк. И даже вышла за него замуж. Несмотря на то, что этот союз продлился недолго, он был «результативным»: папа вернулся обратно. Она развелась с Чарли, после чего в феврале 1962 года мои родители поженились. Девять месяцев спустя на свет появилась я. Или мне так казалось.

Когда люди слышат слово «Розуэлл», то первое, о чем они думают, – об инопланетянах, но у нас в доме никогда не упоминалось слово «НЛО». В моем раннем детстве Розуэлл был маленьким военным городком. Здесь находилась самая большая взлетно-посадочная полоса во всей Америке (она служила резервной полосой для космических шаттлов), которую закрыли в конце шестидесятых. А еще мне запомнились ореховые сады и поля люцерны; магазин фейерверков; мя-

сокомбинат и фабрика Levi's. Мы были очень привязаны к Розуэллу и являлись частью его сообщества. Наши семьи настолько были переплетены друг с другом, что моя кузина Диана приходилась мне и тетей. Она была племянницей моей мамы и вышла замуж за младшего брата моего папы.

У мамы была младшая сестра Шарлин, обычно мы называли ее Чок. Джинни присматривала за ней. В старших классах Чок была чирлидершей⁶, а я стала крошечным талисманом команды. Она могла тайком уместить всю команду в машине, при этом девчонки лежали и в багажнике. И я чувствовала себя такой же взрослой, участвуя в их интригах. Они наряжали меня, а Джинни делала прическу – для важных событий в школе. Мое появление было большой неожиданностью: я выбегала в нежно-голубом платье, произносила приветственную речь и завершала все коронным приемом, которому меня научили, – подбрасывала птицу в небо. Это были мои первые, пусть и короткие, выступления, которыми я наслаждалась. Джинни чувствовала себя самой счастливой матерью, и мне это нравилось.

В те дни мой отец работал в рекламном отделе Roswell Daily Record. Каждое утро он оставлял маме пачку сигарет и один доллар, на который она обычно покупала для нас огромную бутылку пепси в магазинчике за углом. Папа был

⁶ Чирлидинг – вид спорта, сочетающий элементы шоу и зрелищных видов спорта (танцев, гимнастики, акробатики). Команды чирлидеров соревнуются между собой, а также поддерживают выступления различных спортивных команд во время соревнований.

на пути к успеху – он много работал и усердно играл, иногда слишком усердно. Он мог пойти гулять с моим дядей, чтобы выпить, и порой это заканчивалось потасовкой (имейте в виду – им тогда было примерно двадцать лет). После таких попоек папа нередко приходил побитый. Он любил драться и наблюдать, как дерутся другие. И меня он тоже брал на местные соревнования по боксу. Мне было около трех лет, когда я стояла на стуле, стараясь что-то увидеть на боксерском ринге. Глядя на двух избивающих друг друга мужчин, я спросила:

– Какого цвета боксерские трусы игрока, за которого мы болеем?

Это было время нашей с отцом близости.

У обоих моих родителей, если можно так выразиться, было наплевательское отношение к честности. Мне кажется, что папа испытывал небывалую радость, когда мог кого-то одурачить. Для него было в порядке вещей во время оплаты чека взять и сказать:

– Сейчас вырублю тебя, решай – либо пан, либо пропал.

В нем всегда был этот азарт, и он постоянно искал способ, благодаря которому ему все сходило с рук. Тогда я не знала, как выразить это словами, но его безрассудство меня волновало. Я всегда вела себя настороженно и бдительно по отношению к другим людям, готовым выйти из себя. У меня остались смутные воспоминания о человеке, который появлялся у нас около дома и настойчиво стучал в дверь. Мне то-

гда было четыре, и у меня случилась паника – было страшно находиться в собственном доме. Вероятно, это был человек, которого папа обманул. Или, может быть, он переспал с женой того парня.

Мне было почти пять, когда родился мой брат Морган, и с того момента я чувствовала, что мой долг – защищать его, поскольку я всегда была сильнее Моргана. Сейчас он, конечно, крепкий парень ростом шесть футов и три дюйма⁷, а тогда был крошечным малышом. И все, кто его видел, предполагали, что это девочка. Он был очень капризным ребенком, и мама всегда его баловала. Ее любимая фраза, которую она часто напевала, была: «Дай ребенку то, что он хочет!» Однажды мы поехали навестить мою тетю в Толидо⁸. Дорога была долгой, Моргану тогда было два года, и он капризничал. Родители передали мне с переднего сиденья бутылку пива, чтобы я давала ему пить маленькими глоточками до пункта нашего назначения – знаете, как младенцу обычно дают молоко. Конечно же, после такого он уже не кричал.

Признаюсь, что я была неидеальной сестрой, в конце концов, не просто так Морган называл меня «жопой» (моя любимая пытка была прижать его к стене, пукнуть в свою руку и дать ему понюхать). Но с самого начала я знала, что должна присматривать не только за ним, но еще и за собой, учитывая то, как «свели» за нами родители. Когда Моргану было

⁷ 191 см.

⁸ Город в штате Огайо.

три года, произошел следующий случай. Он встал на спинку дивана, чтобы посмотреть в окно, а потом собрался прыгнуть. Я это заметила и сказала маме, что он может упасть и ушибиться. Конечно же, так и произошло. Я старалась его поймать, но была слишком слабой, чтобы удержать. Моя помощь смягчила падение, но он все же умудрился удариться головой об угол кофейного столика. Дальнейшее было похоже на сцену из фильма. Мама подпрыгнула и завопила:

– Не двигайтесь!

Затем обмотала его голову полотенцем и повезла в больницу. У него был перелом черепа, и еще долгое время после того, как ему все зашили, он выглядел как Франкенштейн.

Вскоре после рождения Моргана мы переехали из Розуэлла в Калифорнию – она стала первым местом в списке переездов, которым ознаменовалось наше детство. Мама догадалась, что у папы появилась любовница, поэтому сделала то, чему ее учила бабушка, – увезла его от «проблемы». Мне кажется, женской половине нашего семейства не приходило в голову, что, когда вы переезжаете со своим неверным мужем в другой город, вы забираете с собой эту проблему, и, куда бы вы ни уехали, она всегда остается с вами.

Для большинства людей переезд имеет большое значение, поскольку влечет перемены: необходимость арендовать жилье, пережить трудности и стресс при обустройстве на новом месте, найти нового врача, химчистку, продуктовый магазин. Это еще если не заводить разговор о детях, их обуче-

нии в новой школе, маршруте школьного автобуса и так далее. Все это требует длительных обдумываний, подготовки и планирования.

У нас же была совершенно другая картина. Мы с братом подсчитали, что на протяжении нашего детства мы меняли как минимум две школы в год, а обычно и больше. И мне, казалось нормальным, пока я не увидела, как живут другие семьи. Когда я слышала рассказы, что у некоторых лучшие друзья появились еще в детском саду, то не могла себе этого представить.

Все начиналось с предчувствия, что что-то готовится, планируется, а потом в одночасье мы уже едем на одном из наших транспортных средств. Их мои родители неоднократно меняли на протяжении многих лет: ржавого цвета «Форд Мэверик», коричневый «Форд Пинто», бежевый «Форд Фалкон». Все они были совершенно новыми. За исключением голубого «Шевроле Бел Эйр» 1955 года. Часто переезд был необходимостью: папа так хорошо выполнял свою работу – он и правда был профессионалом, – что в результате его приглашали в команду газет из других городов. От нас требовалась только поддержка. Надо сказать, что в раннем возрасте переезд не кажется чем-то грандиозным или сложным. Поэтому мы просто следовали за ним, не задумываясь.

Второй раз я попала в больницу из-за почек в одиннадцать лет. Совпадение это или нет, но меня положили туда после еще одной измены отца. Конечно, тогда я не знала, что папа

изменял, да и не могла как-то повлиять на это. Но в то же время меня не покидала мысль: может быть, таким способом я выражала свое отношение к тому, что происходит дома? Моя болезнь на какой-то период времени была как «пластырь на болячке» — папа вспоминал про свою семью.

По иронии судьбы, в тот момент наш быт казался необыкновенно улаженным: несколько лет назад мы вернулись в Розуэлл, и я почувствовала себя дома. Мы жили в милом трехкомнатном домике на ранчо. У меня была своя комната, где стояла розовая кровать с балдахином и покрывалом такого же оттенка. Морган делил комнату с Джорджем, младшим братом папы. (Джордж жил с нами с тех пор, как мне исполнилось пять лет. Какими бы странствующими ни были мои родители, они приняли его не задумываясь, когда скончалась бабушка и моему дяде некуда было идти. Для меня он был как старший брат.) Мы подружились с четырьмя ребятами, которые жили на нашей улице, и бегали туда-сюда между домами. Это было первое место, где у меня появились друзья, которых я действительно помню.

Однажды я возвращалась из школы домой и вдруг почувствовала сильный жар по всему телу. Кожа в области щек и живота напрягалась все сильнее и сильнее, второпях я побежала в ванную, спустила трусы, чтобы проверить свой «пирожок». На этот раз отеки были по всему телу.

В католической больнице святой Марии меня окружали монашки. Я сразу же привыкла к новой рутине: у меня из-

меряли общее количество мочи и брали кровь два раза в день. Пластиковые катетеры еще не изобрели, поэтому выбора не было: для каждого анализа крови использовали иглу. Но, несмотря на все эти уколы, мне здесь было легко – я чувствовала заботу окружающих.

Так совпало, что Моргану в это время предстояла операция по удалению грыжи, поэтому нас поместили в одну палату. Я считала себя экспертом по больничной жизни, ну и, во всяком случае, была его старшей сестрой. Поэтому в больнице всем заведовала только я. Мы спорили по поводу того, что будем смотреть по телевизору, но у нас не было пульта от него, поэтому приходилось каждый раз звать монахиню, чтобы она переключала каналы. Моргану было шесть, и ему, конечно же, было все равно, а вот мне не хотелось терять статус лучшего в мире пациента. Поэтому, когда Морган пошел на поправку, я не расстроилась, что останусь одна.

В школе мне приходилось регулярно сдавать анализ мочи, а еще меня приводили в кабинет директора, чтобы убедиться, что я поела. Я была так раздута от стероидов, что один мой одноклассник спросил, не сестра ли я Деми. Я чувствовала себя не особенной, как в больнице, а потерянной. И не хотела, чтобы люди видели меня такой.

Поэтому моей радости не было предела, когда родители сообщили о новом переезде. Дело в том, что мама, как я поняла позже, нашла рыжий волос на трусах папы, когда относил вещи в стирку. После этого родители много ссорились,

но в конце концов пришли к единственному выходу – переезд. На этот раз намного дальше, чем обычно, в другую часть страны, в Пенсильванию, а точнее, в район Канонсберг.

Это было большим событием. Родители заранее начали все объяснять, что добавило важности процессу. В этот раз к нам приехал настоящий грузовик от компании U-haul. В нем поместились все наши кровати, зеленая кушетка, керамические куропатки мамы и тот самый журнальный столик, о который ударился когда-то Морган. Но когда мы закончили погрузку, оказалось, что в машине для всех нас недостаточно места. Мама пошутила, что я могла бы сесть на пол у нее в ногах, рядом с передним сиденьем, а я приняла ее предложение: постелила там одеяло и положила маленькую подушку, тем самым создав небольшое уютное гнездышко. Эта поездка оказалась ужасно длинной еще и за счет того, что была вьюга и папе приходилось останавливаться, поскольку он не видел дороги. Я сидела у печки, поэтому мне было уютно и безопасно на моем местечке.

Канонсберг кардинально отличался от Нью-Мексико или Калифорнии и в культурном, и в языковом аспекте. Мы приехали оттуда, где говорили по-другому. (У моей мамы всегда было правильное произношение, независимо от места пребывания. Морган поразил ее, попросив однажды большую бутылку колы и «б’рито» вместо буррито⁹.) У моего брата адаптация проходила особенно тяжело – он был еще

⁹ Кукурузная лепешка с начинкой из мяса, сыра или бобов.

большим интровертом, чем я, и часто подвергался издевательствам. Я была жестче и хладнокровнее, мой механизм адаптации работал так: сначала я вхожу в новую обстановку, осматриваюсь, после чего начинаю действовать, как детектив. Я задаю себе вопросы: как здесь все работает, чем занимаются люди, кто мои потенциальные союзники, чего мне бояться, кто здесь главный? И конечно же, больше всего меня волнует вопрос: как я могу вписаться в это окружение? Затем я пытаюсь взломать код этой системы и выяснить, что должна сделать, чтобы освоиться. Эти навыки мне пригодятся позже.

Мы поселились в особняке, который располагался в холмистой местности. Рядом находился пруд, замерзавший зимой, так что можно было кататься на коньках. Морган научился ездить на велосипеде. Мне исполнилось одиннадцать, и я любила заниматься гимнастикой. А еще у меня начался пубертатный период. И мне очень хотелось иметь грудь, поэтому каждую ночь я ложилась в постель и начинала молиться, чтобы она выросла.

Я больше не была ребенком, однако мама настаивала на няне для Моргана – мне этого не доверили. Няней стала старшая сестра одной из моих одноклассниц, назовем ее Кори. Она оказалась более развитая и взрослая. Когда я увидела сестру Кори, появившуюся у нашей двери, то разозлилась, не желая иметь с ней ничего общего. На следующее утро Кори объявила всему школьному автобусу:

– Думаю, что Деми все еще нуждается в няне.

Я до сих пор помню, как покраснела до кончиков ушей от унижения. А еще я была в дикой ярости, что мама подставила меня таким образом. От бушевавшей во мне ненависти я чуть не умерла.

Но я не собиралась позволять этому случаю определять мое дальнейшее пребывание в начальной школе Канонсберга. Мне не нужна была няня. Мне нужен был парень.

И я выбрала самого милого мальчика в классе – голубоглазого лохматого блондина по имени Райдер. Сделать его моим парнем не составило труда, после этого я победоносно прошествовала вокруг школы, держа его за руку. Я испытала классное чувство, хотя эта история длилась совсем недолго.

В то время как я переживала типичные «трагедии» своего возраста, у моих родителей ехала крыша. Я никогда не узнаю, что послужило катализатором ухудшения их отношений в Канонсберге, но той весной все пошло прахом.

Однажды вечером, когда отец сидел на кухне, как обычно потягивая пиво Coors и слушая Джеймса Тейлора¹⁰, ему захотелось почистить пистолет. До сих пор помню его лицо: когда он напился, его глаз стал косить еще больше, а взгляд казался остекленевшим. Он не заметил, что в пистолете была пуля, грянул выстрел, и пуля пробила дыру в стене, и к тому же задела лоб отца. Кровь была повсюду. Когда все было убрано, мама начала смеяться, хотя я уверена, что она была

¹⁰ Американский фолк-музыкант.

напугана. Каждый раз, когда я представляю, что кто-то может играть с заряженным пистолетом в доме, где бегают дети, у меня мурашки по коже. Это за гранью моего понимания.

Следующим вечером накал страстей увеличился. Я проснулась от шума и какой-то суеты в родительской комнате. Побежала к ним и увидела, что мама бьется в истерике, а отец пытается ее удержать. Рядом с кроватью стоял пузырек с желтыми таблетками. Отец заметил меня и позвал помочь. Я подходила к ним как в трансе, в глубине души понимая, что мама хотела покончить с собой.

Следующее, что я помню, – как папа говорил достать руками, моими маленькими детскими ручками, таблетки, которые она пыталась проглотить. В этот момент что-то изменилось во мне, и я никогда уже не была прежней. Мое детство закончилось. Уверенность, что я могу рассчитывать на кого-то из моих родителей, испарилась. Когда я пыталась достать таблетки у матери-самоубийцы, которая билась, словно дикий зверь, а отец орал на меня, я перестала быть девочкой, о которой они пытались заботиться, и стала той, кто помогал им замечать следы.

Глава 2

Было начало 1970-х, когда мама сделала то, что сделал бы каждый: она пошла к психотерапевту. Джинни хотела, чтобы ей помогли, хотела пойти на поправку и собиралась найти себя. Мы жили в атмосфере активизации женского движения. Наша соседка была феминисткой, и у мамы появились подружки, которые отстаивали права женщин. Проблема состояла в том, что мама была очень впечатлительной натурой. Например, после просмотра фильма «Изгоняющий дьявола» она прошла через все стадии харизматического христианства¹¹. А еще она отвозила меня на службу в католическую церковь, где исполняли песни Джорджа Харрисона и танцевали в дашиках¹².

Джинни честно пыталась найти себя. Иногда я подслушивала ее разговор с нашим соседом за кухонным столом о ее «борьбе». Я была шпионкой, и родители шутили над тем, что я всегда держу ухо востро. Но сейчас я понимаю, что просто старалась оберегать семью от хаоса. Моя мама пыталась покончить с собой, и мне необходимо было быть начеку. Она жаловалась, что в детстве папа не ценил ее и лишал радо-

¹¹ Движение внутри христианства, появившееся в XX в. в основном среди протестантских общин, провозглашающее, что в его деятельности проявляются дары Святого Духа.

¹² Яркая африканская рубашка с длинными рукавами, популярная у хиппи.

стей. Они были настолько бедны, что однажды на Рождество она получила в подарок старую куклу в новой одежде. Для нее эта кукла символизировала нехватку всего: воспитания, денег и внимания, которого она ждала. Эту историю я слышала много раз.

В нашей семье произошли изменения, хоть и небольшие. Например, со временем мама смирилась с изменами моего отца и стала полностью зависеть от него финансово и морально. Как ни печально, ее попытка покончить с собой была такой же «результативной», как и ее первое замужество. Джинни продемонстрировала, что могла покинуть его. К сожалению, это увидели дети.

Мама не раз рассказывала свою собственную семейную историю. Ее первой любовью был такой же игривый и харизматичный нарушитель спокойствия, как мой папа. Билл Кинг, мой дедушка по материнской линии, был невысокого мнения о моем отце, когда тот начал гулять с мамой в средней школе, хотя у них было много общего. Дедушка был обаятельным бабником и играл на бас-гитаре в кантри-группе.

Но у дедушки был очень специфичный характер. Однажды у него заболел зуб, и, чтобы не тратить деньги на дантиста, он пошел в ванную и лезвием бритвы вырезал его. В конце концов его ждала страшная смерть, которая отражала его жизнь. В тот день он, напившись в стельку, загнал свой любимый голубой «Эль Камино» под движущийся грузовик. И был обезглавлен.

Мне было десять, когда это случилось. Я навсегда запомнила его как седовласого красивого и крепкого мужчину, с сильными руками, испачканными в моторном масле. У него была небольшая заправка, где мы с двоюродными братьями любили играть. Когда мама была ребенком, он сломал позвоночник и долгое время лежал дома. Моя бабушка должна была обеспечивать себя, мужа и трех дочерей: маму и ее старших сестер – Билли и Кэролайн. Это была явно не та жизнь, о которой мечтала бабушка Мари. Тогда она собиралась поступать в колледж. Бабушка росла на границе Техаса и Нью-Мексико в строгом доме пятидесятников¹³ и первой в семье окончила среднюю школу. Но в итоге Мари оказалась молодой женой и матерью, при этом трудилась на полную ставку, чтобы сводить концы с концами. Соответственно, она была на пределе.

Мамина интерпретация отсутствия внимания со стороны бабушки заключалась в том, что она была непривлекательным, тощим, болезненным ребенком. Джинни никогда не могла избавиться от чувства заброшенности – ей всегда не хватало денег, всегда не хватало любви. Ей не приходило в голову, что у бабушки просто не было возможности воспитывать ее так, как она хотела бы. Джинни не ставила себя на место бабушки, не представляла, каково было ей, молодой женщине, которая отказалась от своей мечты о высшем об-

¹³ Пятидесятники – религиозное течение протестантского происхождения, во многом схожее с харизматическим христианством.

разовании ради жизни с распутным мужем, содержания семьи и воспитания троих маленьких детей.

Моя бабушка Мари была единственным взрослым человеком, на которого я могла положиться. Свое детство (в 1930-х) она провела на кукурузной ферме в Элиде, Нью-Мексико, и обладала практическими навыками делать то, что необходимо делать. Она была твердой, последовательной и заслуживающей доверия женщиной. При всех своих хороших качествах бабушка научила маму, которая, в свою очередь, научила меня, некоторым «способам выживания». Всякий раз, когда дедушка изменял, он доказывал бабушке, что именно женщины были причиной его проблем. Он убедил ее в этом, после того как им пришлось переехать, чтобы убежать от преследователя. Они уехали в Ричмонд¹⁴, где родилась мама. После их возвращения в Розуэлл Джинни было около двенадцати. Однажды она рано пришла из школы и обнаружила отца в спальне с женой его брата. Его единственной реакцией было накричать на дочь и каждый раз обвинять ее в случившемся. Отец был для моей мамы «тихой гаванью». Она боготворила его. Но после этого случая их отношения изменились навсегда.

В один из летних дней в Канонсберге мама пришла и беззаботно сообщила, что мы уезжаем в отель, поэтому нужно быстро собрать вещи. Ситуация была бессмысленной, но меня поразил энтузиазм Джинни, она затолкала Моргана и ме-

¹⁴ Город в штате Калифорния.

ня в свой «Пинто» и отвезла в соседний деревянный отель, где было чисто и светло. Мое волнение переросло в растерянность, когда она объявила, что бросает отца ради Роджера, своего психотерапевта. Они влюбились, объяснила она. Пока что Роджер снял эту комнату, но мы все вместе должны переехать в Калифорнию. Там он собирается построить стеклянный дом, в котором мы будем жить. Она даже показала нам проекты.

Это была солидная «рекламная кампания». Она представила свой план как совершенно продуманный и уже решенный, не подозревая, что ее дети могут испытывать боль, страх или смущение из-за того, что их родители расстаются. Отчасти это было связано с фантазиями, которыми она была поглощена и из-за которых просто не могла думать о наших чувствах. А еще сейчас я задаюсь вопросом: осознавала ли она, что это далеко не конец ее отношений с нашим отцом?

Роджер был высоким светловолосым парнем с голубыми глазами. У него были очки в тонкой металлической оправе – такие носили выходцы из Северной Калифорнии. Вне всякого сомнения, Роджер не слышал о профессиональной этике психотерапевта. Это печально, если учесть, что мама изначально пошла к нему за помощью и видела в нем рассудительного образованного человека, который мог найти ответы на вопросы и направить ее на правильный путь. Вместо этого она нашла еще одного парня, чтобы усложнить себе жизнь. Он назначил ей амфетамины и барбитураты, но

я сомневаюсь, что она следовала рекомендуемой дозировке. Она запивала таблетки алкоголем, что делало ее еще более непредсказуемой, чем обычно.

Мои родители начали переживать расставание. Мама переехала к Роджеру, и мы попеременно жили то с ней в отеле, то с отцом в квартире. Через несколько недель отец сказал, что мы едем в Огайо, чтобы навестить наших тетю и дядю в Толидо. Только он не сообщил этого маме. Она подумала, что мы просто исчезли. Могу представить ее бессилие и панику. Папа сказал родственникам, что она отказалась от нас ради Роджера, и он понятия не имеет, как ее найти. Ему поверили. Мы с Морганом привыкли к подобным вещам, поэтому даже не удивились, что Джинни не звонит нам. В любом случае тетя и дядя решили развлечь нас и взяли с собой в «Гранд ол Опри»¹⁵ в Нэшвилле. Больше всего мне хотелось увидеть Минни Перл¹⁶ в шляпе с ценником.

Сейчас, в век сотовых телефонов, электронной почты, видеозвонков и инстаграма, ничего не может исчезнуть, а вот в семидесятых – легко. И папа в этом преуспевал. Если мы жили в одном месте достаточно долго и нам приходили счета на оплату, папа писал «умер» рядом со своим именем на конверте и возвращал письмо на почту. Тогда микроволнов-

¹⁵ Одна из старейших американских радиопередач, которая проводится в формате концерта в прямом эфире с участием звезд кантри.

¹⁶ Героиня актрисы-комика Сары Офелии Колли Кэннон, более 50 лет выступавшей в шоу «Гранд ол Опри».

ки казались чудесным изобретением, и папа решил приобрести такую печку в компании Sears. Когда приехал доставщик, он велел Моргану забрать заказ. Потом компания потребовала оплаты, но папа отказался платить, поскольку подпись ребенка не имела юридической силы. Благодаря такому способу и своеобразной креативности папы у нас дома появилось много вещей. Если бы хоть один из моих родителей использовал свой интеллект для чего-то конструктивного, я искренне верю, что они могли быть очень успешными. К сожалению, родители не знали, как это делать и зачем. Большую часть своей энергии они тратили на то, чтобы вредить друг другу или самим себе. Мне кажется, что в глубине души мы верим, что заслуживаем того, как с нами обращаются, – и таким же образом ведем себя с теми, кого любим.

Тем летом в Толидо папа не знал, что с нами делать дальше. Я всегда чувствовала близкую связь с ним, но в последнее время мы отдалились, и таких отношений, как прежде, не было. Он любил нас, но мотивом нашего похищения было не желание провести время с детьми и не страх, что Джинни отвезет нас в Калифорнию и он никогда нас больше не увидит. Я думаю, что время, проведенное в Огайо, было всего лишь одним из раундов борьбы на пути «от любви до ненависти» между нашими родителями. Полагаю, этот раунд он выиграл. К концу лета он убедил маму простить его за наше похищение, и мы отправились обратно в Пенсильванию. Мама дала ему еще один шанс.

Все должно было измениться. Мы, конечно же, опять переехали, на этот раз – в другой город в Пенсильвании. И поселились в большом доме в городке под названием Шарле-руа, в тридцати милях от Питтсбурга. Наступил новый этап в нашей жизни. Дом был просторный, выкрашенный в зеленый цвет авокадо, с высокими потолками и новыми блестящими приборами, которые нравились маме. Правда, сантехника нуждалась в починке, но папа был в этом деле мастером и имел свой «метод». Он закуривал трубку и пускал дым в каждую из труб, а в это время Морган сидел в ванной и кричал ему, из какого крана выходит дым – с горячей или холодной водой.

Из всех мест, где мы жили, этот дом больше всего отвечал мечтам мамы. Именно так, по ее мнению, должна была выглядеть жизнь. В отличие от нашей бабушки Мари, стремления Джинни вначале были обычными: она хотела быть красивой женой, которую боготворит муж, и иметь уютный дом. И любое жилище, куда бы мы ни переехали, она делала уютным. Она легко и ловко управлялась с интерьерами, с удовольствием украшала каждый дом, как только мы туда заселялись. Все начиналось с пошива штор, потом – расстановка мебели и всяких безделушек, которые она получала от компании Home Interiors. И вообще, она придавала домам такой вид, будто мы жили там много лет. Но в «Зеленом доме», как мы с братом прозвали его, она превзошла себя. Он был воплощением ее личных желаний. У меня даже появился ще-

нок. К сожалению, он нагадил перед шкафом отца, за что я получила хорошую порку. Я не плакала – я вообще никогда не плачу, несмотря ни на что. Щенка мне вернули.

Конечно, в Шарлеруа не было ничего особенного. То же самое происходило в любом другом месте. Дэнни играл в азартные игры и много пил. Он был отличным игроком в бильярд и, когда ему везло, убеждал какого-нибудь наивного дурака сделать ставку против и утверждал, что может выиграть с одним закрытым глазом. Затем Дэнни прикрывал свой косящий глаз, которым он и так почти ничего не видел, и начинал загребать чужие деньги.

Но у него не всегда получалось дурить людей. Он спускал огромные суммы, играя в покер, после чего приходил домой бушующим, пьяным и сломленным. В определенный момент отец обратился к местной мафии, сделал акулий заем¹⁷, чтобы покрыть проигрыш, и стал должником этой группировки на много лет. Он работал с ними во время местных выборов, чтобы способствовать продвижению кандидатов, пользующихся поддержкой мафии, а также был задействован в других сомнительных мероприятиях. И каким бы косвенным ни было участие моего отца, оно все равно представляло опасность. Один раз он попал в перестрелку возле бара в Шарлеруа. В другой раз мама пошла с подружкой в местный паб¹⁸, ее заметил гангстер и позвонил папе. Он ска-

¹⁷ Кредит с высоким процентом.

¹⁸ Заведение, в котором продаются алкогольные напитки.

зал, что женщины членов мафии не должны гулять одни, без сопровождения, по мнению гангстера, это было неправильно.

Тем временем я пошла в седьмой класс гигантской, ужающей средней школы в Шарлеруа. Я опять была новенькой. Вполне возможно, что все эти адаптации к новому месту и обществу побудили меня стать актрисой. Это была моя работа – изображать человека, который должен стать самым популярным в новой школе в каждом новом городе. Я изучала окружающих, чтобы понять, как это сделать. Так, в этой школе крутые девчонки носят брюки-клеш или облегающие шорты? Какие у них акценты? Что мне нужно сделать, чтобы стать частью их компании? Лучше выделяться в компании или влиться в коллектив? Пройдут десятилетия, прежде чем я осознаю, что главное – быть собой, а не тем, кем тебя хотят видеть другие люди.

Разумеется, всякий раз, когда я начинала адаптироваться к месту, понимать, как могу вписаться в спортивные и социальные мероприятия или какие предметы мне даются хорошо, приходило время собираться и переезжать. Обычно без особого предупреждения или заранее подготовленного плана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.